

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.1.2>

UDC 930.26(470+571):726
LBC 63.48(2)-427

Submitted: 23.09.2018
Accepted: 02.11.2018

**CONTINUITY AND INNOVATIONS
IN SAUROMATIAN AND EARLY SARMATIAN CULTURES
(BASED ON THE MATERIALS OF STARITSA KURGAN CEMETERY)¹**

Anatoliy S. Skripkin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Valery M. Klepikov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Mariya A. Balabanova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the issues of continuity and innovations in Sauromatian and early Sarmatian cultures and in the population of anthropological type. To resolve this issue, the archaeological database of 5 Sauromatian and 48 early Sarmatian burials was used. The anthropological database consists of 31 measured skulls of the early Sarmatian epoch (4th – 1st centuries BC). The anthropological material was studied by methods of one-dimensional and multidimensional statistics.

The authors pay a special attention to the syncretic character of a number of burials of Sauromatian and early Sarmatian culture in the period of its appearance on the Volga region territory in the late 4th – the early 1st c. BC. The instability of the burial rite is manifested in the combination of typically Sauromatic continuity of orientating in the latitudinal direction with northern and southern orientations, locating swords along the body instead of the Sauromatian tradition – on the belt obliquely, preserving the Sauromatian practice of accompanying a deceased with food in the form of the cattle side. These facts testify to the complex processes of interaction between the substrate and superstrate population, which were not limited only to the act of conquest.

The results of the anthropological study suggest that the morphological appearance of the early Sarmatian population is similar to the rest of the synchronous population and is characterized by the Sarmatian type or the type of ancient Eastern Caucasians, combining meso-brachicrania with the moderate horizontal profiling of facial skeleton at the upper level with a sharply protruding nose.

The total group of skulls was relatively homogeneous in terms of the intragroup structure. It is dominated by the type of wide-headed Caucasians with some intragroup variations in horizontal facial profiling. The morphological type of chronological women's groups of the 3rd and 2nd centuries BC witnesses about the continuity of the population.

Key words: early Sarmatian culture, Sauromatians, burial rite, sword, anthropological type, statistics.

Citation. Skripkin A.S., Klepikov V.M., Balabanova M.A., 2019. Continuity and Innovations in Sauromatian and Early Sarmatian Cultures (Based on the Materials of Staritsa Kurgan Cemetery). *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, vol. 18, no. 1, pp. 14-31. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.1.2>

УДК 930.26(470+571):726
ББК 63.48(2)-427

Дата поступления статьи: 23.09.2018

Дата принятия статьи: 02.11.2018

**ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВАЦИИ
В САВРОМАТСКОЙ И РАННЕСАРМАТСКОЙ КУЛЬТУРАХ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СТАРИЦКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА)¹**

Анатолий Степанович Скрипкин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Валерий Михайлович Клепиков

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Мария Афанасьевна Балабанова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена вопросам преемственности и новациям в савроматской и раннесарматской культурах и в антропологическом типе населения. Для решения данного вопроса использовалась археологическая база данных, насчитывающая 5 погребений савроматского и 48 раннесарматского времени. Антропологическая база данных состоит из 31 измеренного черепа раннесарматского времени (IV–I вв. до н.э.). Антропологический материал изучался методами одномерной и многомерной статистики.

Авторы особое внимание обращают на синкретичный характер ряда погребений савроматской и раннесарматской культуры в период ее появления на территории Поволжья во второй половине IV – I в. до н.э. Неустойчивость погребального обряда проявляется в сочетании типично савроматских традиций ориентировки в широтном направлении с северной и южной ориентировкой, расположении мечей вдоль тела вместо савроматской традиции – на поясе наискось; сохранении савроматской практики сопровождения покойника сопутствующей пищей в виде бока крупного домашнего животного. Все это свидетельствует о сложных процессах взаимодействия субстратного и суперстратного населения, не сводящихся лишь к акту завоевания.

Результаты антропологического исследования позволяют говорить о том, что морфологический облик раннесарматского населения схож с остальным синхронным населением и характеризуется сарматским типом или типом древних восточных европеоидов, сочетающим мезо-брахикранию с умеренной горизонтальной профилировкой лицевого скелета на верхнем уровне при резко выступающем носе.

Суммарная группа черепов оказалась по внутригрупповой структуре относительно однородной. В ней преобладает тип широкоголовых европеоидов с некоторыми внутригрупповыми вариациями по горизонтальной профилировке лица. Морфологический тип хронологических женских групп III и II–I вв. до н.э. позволяет говорить о преемственности населения.

Ключевые слова: раннесарматская культура, савроматы, погребальный обряд, меч, антропологический тип, статистика.

Цитирование. Скрипкин А. С., Клепиков В. М., Балабанова М. А., 2019. Преемственность и новации в савроматской и раннесарматской культурах (по материалам Старицкого курганного могильника) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 18, № 1. С. 14–31. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.1.2>

Введение. Село Старица расположено в пойме р. Волги. С юго-западной стороны оно ограничено высокой надпойменной террасой старицы реки Волги. От старицы и получило свое название село. В настоящее время русло реки Волги проходит в 3–4 км от террасы. Старицкий курганный могильник был расположен на этой террасе на расстоянии 150–200 м от северо-восточной окраины села. С запада на восток в северо-западной части могильника проходит грейдерная дорога, идущая из с. Вязовки в с. Старицу Черноярского района Астраханской области. Края этой террасы с запада на восток изрезаны многочисленными длинными оврагами. Именно на мысах между оврагами и располагаются курганы, вытянувшись цепочками с юго-востока на северо-запад. В юго-восточной части могильника курганы расположены не по краю террасы, а в глубине степи. Старицкий курганный

могильник исследовался экспедицией под руководством В.П. Шилова в 1960–1961 годах. Большая часть погребений, открытых в 76 курганах, относилась к раннему железному веку, представляя все культуры савромато-сарматского времени. Это дает уникальную возможность проследить наличие преемственности между хронологически последовательными культурами данного периода, используя археологический и антропологический материал. В предлагаемой статье рассматриваются особенности взаимовлияний, выявляемых между савроматской и раннесарматской культурами². Исследование археологических комплексов, а также тщательный анализ антропологического материала позволит получить более полную историческую информацию о населении, оставившем этот могильник.

В процессе подготовки к публикации серии статей коллектив авторов решил весь

материал поделить на два хронологических периода:

1) первый период включает материалы, относящиеся к савроматскому и раннесарматскому времени (VI–I вв. до н.э.);

2) второй период включает материалы первых веков нашей эры (среднесарматская и позднесарматская культуры (I–III вв. н.э.)) (см. статью Кривошеева, Скрипкина, Балабановой в данном номере Нижневолжского археологического вестника).

Кроме этого, результаты межгруппового анализа хронологического сарматского антропологического материала, включая материалы могильника Старица, публикуются в отдельной статье (см. статью Балабановой в данном номере).

Материал и методика исследования.

Археологические комплексы савроматского и раннесарматского времени изучались по традиционной схеме. Что касается исследования антропологического материала, то оно также проводилось по общепринятым в российской антропологии системам признаков. Для всех погребенных проведена биологическая реконструкция, которая предполагает восстановление всех особенностей отдельных индивидуумов и их совокупностей [Алексеев, Дебец, 1964; Балабанова, 1998; и др.].

Доступный краниологический материал был измерен по принятой в российской антропологии программе, на основе которой составлены индивидуальные характеристики [Алексеев, Дебец, 1964]. Кроме этого, был проведен внутригрупповой анализ с использованием многомерных статистических методов, а где не позволяла численность выборок – использовался типологический метод [Дерябин, 1983]. Вся антропологическая информация дается по черепам из погребений раннесарматского времени из-за отсутствия материалов савроматского времени. Материал эпохи бронзы из могильника Старица был изучен А.В. Шевченко [1973].

Анализ археологического материала.

Погребения савроматской культуры. В Старицком курганном могильнике было исследовано несколько погребений савроматской культуры. В отчете В.П. Шилова указано восемь погребений этой культуры. Однако не все они имеют убедительные признаки, позво-

ляющие определить их культурную принадлежность. К савроматской культуре можно отнести погр. 3 из кург. 45, погр. 8 из кург. 50, оказавшиеся впускными в курганы эпохи бронзы, и основные погребения из кург. 51 и 52. Возможно, к савроматской культуре относится основное погребение в кург. 67.

Погребения из курганов 45 и 50 отнесены к савроматской культуре на основании нахождения в них типичных для этой культуры глиняных горшков. Такие горшки достаточно часто встречаются в погребениях савроматского времени Нижнего Поволжья и Южного Приуралья [Смирнов, 1964, с. 357, рис. 65,7,8,14,18; Смирнов, Петренко, 1963, табл. 6,28,29; табл. 10,3]. В детском погребении кургана 45 костяк был ориентирован головой на запад, а в качестве напутственной пищи был положен бок лошади, что также характерно для савроматской культуры.

Особый интерес представляют находки из кургана 51. Этот курган был насыпан над единственным погребением савроматского времени, которое оказалось ограбленным. Могильная яма имела удлиненную прямоугольную форму, длинной осью ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Положение костяка и его ориентировку установить не удалось. В яме в нарушенном состоянии были найдены кости человека, овцы и фрагменты сосуда, который был восстановлен. Форма горшка оказалась нетипичной для этой категории находок савроматской культуры (рис. 1,2). В насыпи кургана, судя по отчету, были найдены фрагменты двух лепных сосудов, один из которых удалось восстановить (рис. 1,1). По форме и технологии он обнаруживает прямые аналогии среди керамики савроматской культуры. Также в насыпи кургана были обнаружены кости овцы и лошади. Особенно показательны находки кости лошади, которые часто встречаются в курганах савроматской культуры.

Наиболее интересной находкой в этом кургане являются бронзовые бляшки от конской узды, выполненные в зверином стиле. Подробные условия их находок в отчете не приведены, указывается только лишь, что они были обнаружены к северу от могильной ямы, то есть за ее пределами. Из шести указанных в отчете бляшек мы имеем изображения пяти. Две из них выполнены в виде стилизо-

ванных фигурок птиц, совмещенных с еще одной птицей или животным, о чем свидетельствует изображение глаза с противоположной стороны. Две бляшки были выполнены в виде стоящих фигурок хищников. Одна небольшая бляшка изготовлена в виде сильно стилизованного изображения морды хищника, заканчивающейся когтистыми лапами (рис. 1,3). Такие бляшки от конской упряжи в аналогичное время известны в находках в Нижнем Поволжье и на Кубани [Осіг-Gorjaeva, 2005, abb. 59,2; 60,5].

Бесспорно, к савроматской культуре относится основное погребение в кургане 52. Погребение оказалось ненарушенным, западная ориентировка костяка, наличие типичных для этой культуры горшков, бронзовых наконечников стрел достаточно уверенно определяет его культурную принадлежность (рис. 1,4–6).

В погребении кургана 67, в отчете определенном как савроматское, был найден целый костяк овцы без головы, что является признаком погребального обряда савроматской культуры. Предположительно ориентировка костяка в этом погребении была головой в западный сектор, которая также часто встречается в погребениях савроматской культуры.

В отчете В.П. Шилова как савроматские определены основные погребения в курганах 33, 34, 35. Однако все эти погребения в курганах оказались ограбленными до основания, каких-либо признаков, указывающих на их культурную принадлежность, в них не обнаружено.

Общая характеристика погребений савроматской культуры Старицкого могильника может основываться только на тех пяти погребениях, которые с достаточной уверенностью могут быть отнесены к рассматриваемой культуре. Курганы, в которых погребения савроматского времени были основными, небольших размеров, высотой от 0,5 до 1 м, могильные ямы прямоугольные, широкие и узкие. В трех случаях погребения были основными в курганах. Ориентировка погребенных в двух случаях – западная, в одном – юго-западная. Из костей преобладали кости овцы, обнаруженные во всех пяти погребениях, в одном находилась обезглавленная туша овцы. В двух погребениях были найдены кости ло-

шади. Из находок чаще встречались лепные горшки, железные ножи, в одном случае были обнаружены детали конской узды. Из оружия в одном погребении были найдены наконечники стрел, в другом – втулка от копья. Что касается половозрастной характеристики погребенных, то из трех выявленных случаев одно погребение было ребенка, два других взрослых, в отчете указано, что это были мужчины.

Погребения раннесарматской культуры. Раннесарматские погребения Старицкого курганного могильника представлены комплексами, отражающими все основные этапы раннесарматской археологической культуры. Временем формирования раннесарматской культуры в Нижнем Поволжье принято считать IV – первую половину III в. до н.э. В этих хронологических рамках определяются комплексы из кургана 4: кенотафы 1–3 (рис. 1,7–9) и погребение 6 (рис. 1,10–16). О раннем характере погребения 6 свидетельствует наличие зооморфного колчанного крючка (рис. 1,16), отнесенного К.Ф. Смирновым к савроматской культуре [Смирнов, 1976, рис. 2,4]. Такие крючки-застежки с различными зооморфными изображениями датируются в определенном хронологическом интервале (вторая половина V – первая половина III в. до н.э.) и могут служить опорой в датировке памятника [Савченко, 2004, с. 229]. Присутствие в погребении ребер лошади, более характерное для савроматской, чем для сарматской традиции, также позволяет предположить ранний характер погребального комплекса. Наличие большого количества железных втульчатых наконечников стрел в колчане (не менее сорока, судя по древкам, или восемнадцати – по сохранившимся наконечникам стрел) хорошо известно на раннем этапе раннесарматской культуры [Шилов, 1975, с. 6], хотя такие же наборы встречаются и в погребениях II–I вв. до н.э. [Глебов, 2007, с. 88–90]. Подчеркнем, что наличие северной ориентировки нехарактерно для савроматского погребального обряда, однако спорадически такая ориентировка встречается в раннесарматских комплексах Нижнего Поволжья вплоть до конца раннесарматского времени [Сергацков, Шинкарь, 2003, с. 165–178; Клепиков, 2014, с. 51–56], а во II–I вв. до н.э. становится гос-

подствующей в раннесарматских погребениях Северного Причерноморья [Симоненко, 1993, с. 23, 110]. Все это позволяет отнести погребение 6 к начальному этапу раннесарматской культуры.

Видимо, этим же временем следует датировать и погребение 9 (рис. 1,17–26). Свыше 140 железных втульчатых наконечников стрел в сочетании с семью бронзовыми втульчатыми наконечниками ранних форм (рис. 1,18) и костяными ворворками (рис. 1,22,23), исчезающими из употребления во II–I вв. до н.э., позволяет ограничить хронологические рамки комплекса IV–III вв. до н.э. Длинный меч без навершия и перекрестия (рис. 1,21), уложенный вдоль тела слева от погребенного, более характерен для позднесарматской культуры, но спорадически такие мечи встречаются начиная с савроматского времени [Скрипкин, 2007, с. 49, рис. 4,8]. Ориентировка костяка к ВСВ более характерна для савроматской погребальной традиции, но положение оружия вдоль ноги, наличие гробовища, кувшин и лепной горшок в ногах скорее свидетельствуют о раннем этапе раннесарматской культуры. К тому же на плане кургана это погребение вписывается в кольцевое расположение других раннесарматских захоронений, позволяющее предположить наличие родового кладбища, характерного именно для ранних сарматов. Следует отметить наличие аналогичного погребения с практически таким же набором сопутствующего инвентаря недалеко от Старицкого могильника в курганной группе Никольское IV (кург. 1, погр. 4), с ориентировкой погребенного в широтном направлении, длинным мечом без навершия и перекрестия вдоль правой ноги, набором наконечников стрел, идентичными ворворками и оселком [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989, с. 101–104, рис. 77, 78в, 79].

Возможно, с этими погребениями следует связать и три кенотафа, весьма полно проанализированные в свое время М.Г. Мошковой, датировавшей эти комплексы IV–III вв. до н.э., хотя и отмечавшей широкий временной диапазон ряда вещей, в частности кельта киммерийского типа, и медного долотца [Мошкова, 1974, с. 15, 16]. В настоящее время дату сооружения кенотафов можно несколько уточнить. Дело в том, что прохоров-

ский меч из кенотафа 1 был определен М.Г. Мошковой как имевший серповидное или почти прямое навершие. Такие мечи действительно характерны скорее для IV – начала III в. до н.э. Основанием для такого вывода послужила фотография в отчете, где сохранившаяся деталь навершия представляет собой рожок, крепившийся почти под прямым углом к рукояти. Однако в описании указано серповидное навершие и прямое перекрестие. Современное состояние меча не позволяет уточнить эту позицию, поскольку в настоящее время навершие на мече полностью отсутствует. Если обратиться к полевому рисунку, зафиксировавшему положение меча и сопутствующих вещей *in situ*, бросается в глаза четкая прорисовка дуги серповидного навершия, совпадающая с описанием в отчете (рис. 1,7). Такие мечи классического прохоровского типа появляются не раньше III в. до н.э., о чем свидетельствует находка в открытом в Башкирии погребении (Ново-Мусино, кург. 3, погр. 1) вместе с гераклейской амфорой начала III в. до н.э. меча так называемого переходного типа, предшествующего типу классического прохоровского меча [Васильев, Сиротин, 2004, с. 173–180].

Погребение 13 из кургана 25 (рис. 1,27–32) также датируется IV – началом III в. до н.э., поскольку в наборе наконечников стрел вместе с набором железных втульчатых присутствует бронзовая втульчатая и костяная четырехгранная (рис. 1,28). Костяные трехгранные и четырехгранные с вырезами у оснований наконечники представлены в савроматских колчанах [Очир-Горяева, 1996, с. 48], но, как и бронзовые, неизвестны в датированных комплексах II–I вв. до н.э. Костяная квадратная пирамидальной формы ворворка (рис. 1,29) идентична такому же изделию из погребения 9 кургана 4. Ориентировка погребенного в северо-западный сектор также сближает хронологически погребение 13 с другими, охарактеризованными выше.

В этом же хронологическом интервале следует поместить и погребение 3 из кургана 76 (рис. 1,33,34): та же ориентировка, что и в предыдущих погребениях, кость ноги барана в качестве заупокойной пищи, традиционный набор посуды (кувшин, горшок), а главное, меч синдо-меотского типа (рис. 1,34), да-

тируемый в пределах IV – начала III в. до н.э. [Марченко, 1996, с. 49–50].

В материалах Старицкого курганного могильника представлены и комплексы трудно выделяемого этапа III – первой половины II в. до н.э. К нему можно отнести погребение 6 из кургана 21 (рис. 2,1–5). Подбойное захоронение с южной ориентировкой костяка и мечом классического прохоровского типа (рис. 2,5), уложенным вдоль правого бедра, и колчаном – вдоль левого демонстрирует сложившуюся практику захоронения. Найденные в колчане бронзовые втульчатые и железные черешковые наконечники стрел (рис. 2,4) в сочетании позволяют датировать весь комплекс в указанном интервале [Клепиков, Скрипкин, 2002, с. 66–67]. Зеркало с валиком по краю и массивной прямой ручкой, полуовальной в сечении (рис. 2,3), относится к разряду наиболее ранних экземпляров зеркал с валиком, вышедших из употребления уже во II в. до н.э. [Скрипкин, 1990, с. 151–152].

Для датировки ограбленного погребения 1 кургана 36 (рис. 2,6–10) важно сочетание в одном комплексе бронзовой ворворки и сероглиняного гончарного кувшинчика с горизонтальной ручкой. Бронзовые ворворки исчезают из употребления во II в. до н.э. [Клепиков, 2002, с. 79]. Боспорские красноглиняные кувшинчики такого типа датируются в основном II в. до н.э., хотя отдельные сероглиняные экземпляры кубанского производства появляются уже в конце III – начале II в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2005, с. 235–236]. Среди железных втульчатых трехлопастных наконечников стрел выделяется экземпляр с плоской лавролистной головкой (рис. 2,10), более характерный для скифского времени [Савченко, 2004, с. 203–207]. Сочетание ранних и поздних предметов в одном погребении позволяет датировать комплекс в хронологических границах конца III – первой половины II в. до н.э.

Погребения этого этапа уже не имеют черт предшествующего времени, демонстрируя набор признаков сложившейся раннесарматской культуры. В кургане 42 обнаружены два коллективных захоронения (погребения 2, 3 и погребения 5, 6), идентичных по конструкции и сооруженных, видимо, одновременно (рис. 2,11,12). Вдоль длинных стенок узких

прямоугольных входных ям по обе стороны сооружены подбои. Погребенные уложены на спине, головой в южный сектор. Вещевой комплекс показателен в хронологическом отношении. В погребении 2 найдено зеркало с валиком по краю и прямой массивной ручкой (рис. 2,19), аналогичное зеркалу из погребения 6 кургана 21. Еще одно фрагментированное бронзовое зеркало с валиком по краю и клиновидной ручкой обнаружено в погребении 3. Такие зеркала датируются III–I вв. до н.э. [Скрипкин, 1990, с. 151–152]. Бронзовые наконечники стрел треугольных пропорций с внутренней втулкой найдены и в погребении 2, и в погребении 6 (рис. 2,13,25). В погребении 3, одновременном погребению 2, найдены также два железных втульчатых трехгранных наконечника стрел (рис. 2,27). Среди бус следует указать в первую очередь на присутствие короткоцилиндрических гагатových (рис. 2,26), которые появляются в Нижнем Поволжье не ранее III в. до н.э. [Мошеева, 1998, с. 156–160]. Следовательно, находки бронзовых наконечников стрел, неизвестных в сарматских памятниках II–I вв. до н.э., зеркал и бус, появляющихся в употреблении не раньше III в. до н.э., позволяют датировать анализируемые погребения с двойными подбоями III в. до н.э. Керамический комплекс (рис. 2,14–18,20–24) характерен для всего раннесарматского периода и не позволяет датировать памятники в более узком диапазоне.

Видимо, ко II–I вв. до н.э. следует отнести погребение 7 из кургана 4. Найденная в нем бронзовая ажурная пряжка с изображением фигуры животного находит аналогии среди комплексов, появившихся в Нижнем Поволжье в результате новой миграционной волны II–I вв. до н.э. [Клепиков, Скрипкин, 2002, с. 66, рис. 3А,5–13]. Видимо, к этому же времени можно отнести погребение 4 из кургана 21 и погребение 4 из кургана 42 по наличию исключительно железных черешковых наконечников стрел, погребение 6 из кургана 22 – по наличию красноглиняного гончарного утвари.

Разумеется, названными комплексами список памятников раннесарматской культуры не ограничивается. Просто узкие хронологические определения здесь невозможны. Все остальные погребения (кург. 4, погр. 4, 8,

10; кург. 7, погр. 2, 4, 7, 9, 10, 11, 20, 21, 22, 23, 24, 27, 28, 29, 30; кург. 15, погр. 1–3; кург. 22, погр. 5, 7; кург. 24, погр. 1–5, 7; кург. 25, погр. 1, 22; кург. 37, погр. 1; кург. 73, погр. 1; кург. 76, погр. 1, 2) могут быть датированы лишь в традиционных рамках развитой раннесарматской культуры III–I вв. до н.э.

Выводы. В контексте исследования погребений савроматского и раннесарматского времени следует обратить внимание на синкретичный характер ряда погребений в период появления раннесарматской культуры на территории Поволжья во второй половине IV – начале III в. до н.э. Именно в это время фиксируется перестройка военной организации у ранних сарматов, отразившаяся в возросшем количестве погребений с набором вооружения, включающим длинный меч, копье и колчан с большим количеством наконечников стрел [Клепиков, 2002, с. 132]. Длинные мечи в это время еще не стандартизированы. В одно и то же время используются мечи с прямыми перекрестиями и наверхиями, мечи с дуговидными или сломанными под тупым углом перекрестиями и брусковидными либо слабо изогнутыми наверхиями, мечи синдо-меотского типа. Видимо, тогда же входят в обращение мечи без железных наверхий и перекрестий, получившие распространение гораздо позже и ставшие господствующим типом в позднесарматское время. Следует обратить внимание и на неустойчивость погребального обряда, в котором сочетаются типично савроматские традиции ориентировки в широтном направлении с северной и южной ориентировкой, расположение мечей вдоль тела вместо савроматской традиции – на поясе наискось, сохранение савроматской практики сопровождения покойника сопутствующей пищей в виде бока крупного домашнего животного. Все это свидетельствует о сложных взаимоотношениях субстратного и суперстратного населения, не сводящихся лишь к акту завоевания. Материалы Старицкого курганного могильника демонстрируют эти процессы весьма отчетливо.

Анализ антропологического материала раннесарматского времени (IV–I вв. до н.э.). Серия раннесарматского времени состоит из 32 черепов. Причем четыре черепа (один мужской и три женских) получены

при раскопках погребений раннего времени (IV–III вв. до н.э.). Для всех этих черепов в начале дается индивидуальная характеристика, а затем рассматривается усредненный тип женской серии IV–III вв. до н.э. и разнополюх серий II–I вв. до н.э. [Алексеев, Дебец, 1964, с. 114–122]. В связи с плохой сохранностью черепов внутригрупповой анализ проводится как типологическим методом, так и методом главных компонент [Дерябин, 1983].

Индивидуальная характеристика черепов.

Курган 4, погребение 9 (IV в. до н.э.) (табл. 1). Череп хорошей сохранности, принадлежал молодому мужчине; характеризуется средней длиной, большой шириной и низким сводом, по пропорциям брахикранный, хамекранный и тапейнокранный. Вертикальная норма сфероидная. Рельеф на черепе хорошо выражен. Надпереносье глубокое, надбровные дуги массивные, рельеф затылочной кости умеренный. Сосцевидные отростки крупные. На черепе отмечается преждевременная облитерация швов. Основание черепа короткое и широкое. Лобная кость средней ширины уплощенная на уровне фронтотемпоральных точек и покатая, ее хорда и дуга средней длины. Затылочная кость широкая, ее хорда и дуга тоже средней длины. Хорда и дуга теменной кости короткие. Затылочно-теменной индекс находится в пределах вариаций монголоидных популяций [Беневоленская, 1980].

Лицевой скелет широкий и высокий, с умеренной горизонтальной профилировкой и ортогнатной вертикальной профилировкой. Альвеолярная дуга мезоморфного строения, а небо крупное, длинное и широкое. Нос тоже мезоморфный и мезоринный с наружным краем грушевидного отверстия *sulcus*. Орбиты крупные, широкие и высокие, гипсиконхные. Переносье узкое и низкое, носовые кости средней ширины и высокие, выводят нос к линии профиля умеренно. Клыковая ямка глубокая.

Курган 36, погребение 1, костяк 1 (III–II вв. до н.э.) (табл. 1). Череп хорошей сохранности, принадлежал мужчине 30–40 лет. Мозговая коробка короткая, узкая и высокая, мезокранный по пропорции, со сфероидной вертикальной нормой. Переносье глубокое, надбровные дуги выражены выше среднего, а наружный затылочный бугор – слабо. Сосце-

видные отростки крупные. Основание черепа длинное и узкое. Лобная кость средней ширины, хорошо профилирована в области перегиба, ее хорда и дуга тоже средней длины. Высота изгиба лобной кости снижена. Затылочная кость узкая, ее хорда средней длины, а дуга короткая. Высота изгиба чешуи затылочной кости снижена из-за деформации по типу бешика. Дуга и хорда теменной кости среднеудлиненные. Затылочно-теменной индекс находится в пределах вариаций европеоидных популяций [Беневоленская, 1980].

Лицевой скелет узкий и средневысокий, с резкой горизонтальной профилировкой и ортогнатной вертикальной. Альвеолярная дуга небольших размеров. Небо короткое и среднеширокое. Нос мезоморфный, с нижним краем грушевидного отверстия по типу слабого *sulcus* (а). Орбиты средней ширины и низкие. Переносье узкое и высокое, а носовые кости узкие и средневысокие, умеренно выводят нос к линии профиля. Клыковая ямка умеренно углубленная.

Курган 36, погребение 1, костяк 2 (III–II вв. до н.э.) (табл. 1). Очень массивный череп хорошей сохранности, принадлежал мужчине 45–50 лет. Мозговая коробка длинная, широкая и высокая. По черепному указателю она попадает в категории долихо-мезокранных вариантов с эллипсоидной вертикальной нормой. Переносье глубокое, надбровные дуги и наружный затылочный бугор выражены выше среднего. Сосцевидные отростки крупные. Основание черепа длинное и широкое. Лобная кость широкая, хорошо профилированная в области перегиба, ее хорда и дуга длинные. Затылочная кость широкая, ее хорда и дуга средней длины. Высота изгиба чешуи затылочной кости снижена из-за деформации по типу бешика. Дуга и хорда теменной кости длинные. Затылочно-теменной индекс находится в пределах вариаций европеоидных популяций [Беневоленская, 1980].

Лицевой скелет широкий и высокий, с клиногнатной горизонтальной профилировкой и ортогнатной вертикальной. Альвеолярная дуга больших размеров. Небо короткое и широкое. Нос высокий и среднеширокий, с нижним краем грушевидного отверстия по типу антропина. Орбиты средней высоты и широкие, по указателю хамэконхные. Переносье и

носовые кости среднеширокие и очень высокое, нос резко выступающий к линии профиля. Клыковая ямка умеренно углубленная.

Курган 42, погребение 2, костяк 1 (III в. до н.э.) (табл. 1). Череп хорошей сохранности, принадлежал женщине, которой в момент смерти было около 40 лет. Мозговая коробка средней длины, широкая и низкая. По пропорциям она брахикранный, ортокранный и тапейнокранный. Вертикальная норма сфеноидная. Рельеф на черепе слабо выражен, кроме довольно массивных надбровных дуг. Основание черепа длинное и широкое. Лобная кость широкая, умеренной горизонтальной профилировки и нависающая. Ее хорда короткая, а дуга средней длины. Имеются следы метопизма. Затылочная кость широкая, а ее хорда и дуга короткие. У теменной кости хорда и дуга тоже короткие.

Лицо широкое и средневысокое, с резкой профилировкой на уровне глазниц и плоской на уровне зигомаксиллярных точек. Его вертикальная профилировка ортогнатная. Альвеолярная дуга короткая и узкая, а небо средней длины и широкое. Нос мезоморфный, по пропорции платиринный, с антропинной формой нижнего края грушевидного отверстия. Глазницы широкие и низкие хамэконхные. Переносье и носовые кости широкие и высокие. Угол выступания носа умеренный. Клыковая ямка среднеуглубленная.

Курган 42, погребение 2, костяк 2 (III в. до н.э.) (табл. 1). Череп относительно хорошей сохранности, принадлежал молодой женщине. Мозговая коробка длинная, средней ширины и высоты, по черепному указателю попадает в мезокранные пропорции. Ее вертикальная норма овоидная. Рельеф на черепе умеренно выраженный. Основание черепа длинное и широкое. Лобная кость среднеширокая, ее угол поперечного изгиба резкий, а вертикальный профиль прямой. Лобная хорда и дуга длинные. Затылочная кость широкая, а хорда и дуга короткие. Теменная хорда длинная, дуга средней длины.

Лицевой скелет крупный, высокий и широкий, с умеренной горизонтальной профилировкой на верхнем уровне и резкой на среднем. Его вертикальная профилировка ортогнатная. Альвеолярная дуга средней длины и широкая, а небо длинное и широкое. Нос сред-

невысокий и узкий, по указателю мезоринный, с инфантильным краем грушевидного отверстия. Глазница узкая и средневысокая, по указателю гипсиконхная. Переносье узкое и высокое, а носовые кости среднеширокие и тоже высокие. Угол выступания носа средний. Клыковая ямка средней глубины.

Курган 42, погребение 3 (III в. до н.э.) (табл. 1). Череп хорошей сохранности, принадлежал женщине, которой в момент смерти было около 50 лет. Мозговая капсула длинная, широкая и средневысокая, мезо-брахикранной и ортокранной пропорций. Вертикальная норма сфеноидная. Рельеф на черепе выражен ниже среднего, кроме наружного затылочного бугра, который выступает выше среднего. Основание черепа длинное и среднеширокое. Лобная кость широкая, с резкой профилировкой в поперечном изгибе и наклонная. Лобная хорда и дуга очень длинные. Затылочная кость средней ширины, ее хорда короткая, а дуга средней длины. Теменная хорда и дуга короткие.

Лицевой скелет широкий и высокий, с резкой горизонтальной профилировкой на уровне глазниц и умеренной на уровне скуловых костей. Вертикальная профилировка лица ортогнатная. Альвеолярная дуга короткая, а небо мезоморфного строения. Нос высокий, широкий, платиринной пропорции, с антропинной формой наружного края грушевидного отверстия. Глазница широкая и высокая мезоконхная. Переносье и носовые кости широкие и высокие, нос выводят к линии профиля резко. Клыковая ямка глубокая.

Усредненная характеристика раннесарматских групп могильника Старица. Все женские черепа III в. до н.э. получены при раскопках кургана 42 (табл. 1). Они характеризуются среднелинней широкой и средневысокой мозговой коробкой, брахикранной по черепному указателю. Основание черепа длинное и широкое. Лоб прямой, со слабо развитыми надпереносьем и надбровными дугами, широкий и резко профилированный в поперечном изгибе.

Лицевой отдел широкий, высокий и характеризуется ортогнатностью, резкой профилировкой на верхнем горизонтальном уровне и умеренной – на среднем. Нос мезоморфного строения с мезоринным указателем. Пе-

реносье и носовые кости средней ширины и высокие. Угол выступания носа к линии профиля средний. Орбиты широкие и средней высоты. Клыковая ямка средней глубины.

Вышеприведенная характеристика группы, несмотря на некоторые отклонения, позволяет определить ее как типично европеоидную, а сочетание признаков – как сарматский тип или тип древних восточных европеоидов [Балабанова, 2000, с. 84].

Типологический анализ небольшой группы показывает, что все три черепа незначительно отличаются друг от друга и их можно отнести к одному и тому же типу с небольшими внутригрупповыми вариациями.

Мужская серия II–I вв. до н.э. насчитывает 19 черепов разной степени сохранности (табл. 1). Серия характеризуется черепной коробкой средней длины и высоты с большим поперечным диаметром. Соотношение продольного и поперечного диаметров дает указатель мезокранный, а продольного и высотного – указатель ортокранный. Основание черепа длинное и средней ширины. Лоб широкий, резко профилированный по линии наименьшей ширины и средненаклонный.

Лицо мезоморфного строения с ортогнатной и умеренной горизонтальной профилировкой на верхнем уровне, на среднем уровне тоже наблюдается тенденция к уплощению ($\angle < 130^\circ$). Клыковые ямки углублены средне. Орбиты широкие и средневысокие. Нос тоже мезоморфный и мезоринный, с узкими и высокими резко выступающими носовыми костями. Переносье среднеширокое и высокое.

Вышеприведенная усредненная характеристика мужских черепов диагностирует их также как представителей европеоидной расы.

Небольшая группа женских черепов имеет то же самое сочетание признаков, что и мужская серия (табл. 1). Половые различия имеются лишь по ширине лица и углу выступания носа: у женщин лицо широкое, нос выступает средне к линии профиля, у мужчин лицо среднеширокое, а нос резко выступающий.

Внутригрупповой анализ. Исследование внутригрупповой структуры обеих хронологических групп раннесарматского времени показывает относительно однородную структуру в рамках одного типа и расы. Об этом свидетельствуют как индивидуальная типоло-

гия, так и результаты анализа главных компонент. Для проведения его пришлось использовать данные только по 14 черепам обоего пола, так как материал плохой сохранности и для объединения в серию женских черепов использовались коэффициенты полового диморфизма [Алексеев, Дебец, 1964, табл. 12, с. 123, 124; табл. 13, с. 125].

В результате анализа главных компонент мужской выборки были извлечены пять компонент с собственными числами больше единицы, которые отражают более 80 % внутригрупповой изменчивости. В дальнейшем будут рассматриваться значения только первых двух компонент, которые отражают больше половины внутригрупповой изменчивости (табл. 2).

Вклад первой главной компоненты (далее I ГК) во внутригрупповую изменчивость высокий, его дисперсия – 36 %, и, по-видимому, она является компонентой размера. Таким образом, I ГК разграничивает массивный тип, сочетающий слабо выступающий нос с плоским лицом (положительный полюс изменчивости), от грацильного типа с европеоидным набором профильных признаков (отрицательный полюс изменчивости).

Первый набор признаков встречается на черепах из погр. 2 кург. 24 и погр. 23 кург. 7. Второй набор признаков, отражающий небольшие размеры мозгового и лицевого отделов в сочетании с резкими европеоидными качествами, представлен на черепе из погребения 1 кургана 24.

Вторая главная компонента (II ГК) отражает более 20 % внутригрупповой изменчивости и имеет высокие корреляции с профильными размерами. Высокие положительные нагрузки она имеет с глубиной клыковой ямки и углом выступления носа; высокие отрицательные – с дакриальным и симотическим указателями.

Таким образом, II ГК на полюсах изменчивости выделяет сочетания признаков: 1) глубокая клыковая ямка, резко выступающий нос с небольшими значениями дакриального и симотического указателей и 2) мелкая клыковая ямка, слабо выступающий нос с большими значениями дакриального и симотического указателей. Эти два противоположных набора имеются на черепе из погр. 1 кург. 73 (положительный полюс) и на

черепе костяка 1 погр. 1 кург. 36 (отрицательный полюс). Дендрограмма кластеризации и четырехполюсный график неметрического многомерного шкалирования матрицы внутригрупповых корреляций также демонстрирует относительно однородную внутригрупповую структуру (рис. 3). Средние значения черепов, объединенных в отдельные кластеры, которые можно априорно принять за реально существующие типы, мало отличаются друг от друга. Таких групп (по два, четыре и пять черепов) всего три. Все три группы по строению мозгового отдела имеют сходные характеристики, отличаются лишь по строению лицевого скелета. Первый тип имеет широкое средневысокое лицо, у которого на уровне глазниц горизонтальная профилировка ослаблена. Второй тип относительно узколицый и низколицый, с клиногнатной горизонтальной профилировкой. У третьего типа и лоб, и лицо широкие и плоские. Причем лицо на обоих горизонтальных уровнях с умеренной профилировкой, а лоб – в месте перегиба.

Основные выводы. В контексте исследования погребений савроматского и раннесарматского времени следует обратить внимание на синкретичный характер ряда погребений в период появления раннесарматской культуры на территории Поволжья во второй половине IV – начале III в. до н.э. Именно в это время фиксируется перестройка военной организации у ранних сарматов, отразившаяся в возросшем количестве погребений с набором вооружения, включающим длинный меч, копье и колчан с большим количеством наконечников стрел [Клепиков, 2002, с. 132]. Длинные мечи в это время еще не стандартизированы. В одно и то же время используются мечи с прямыми перекрестьями и навершиями, мечи с дуговидными или сломанными под тупым углом перекрестьями и брусковидными либо слабо изогнутыми навершиями, мечи синдо-меотского типа. Видимо, тогда же входят в обращение мечи без железных наверший и перекрестьев, получившие распространение гораздо позже и ставшие господствующим типом в позднесарматское время. Следует обратить внимание и на неустойчивость погребального обряда, в котором сочетаются типично савро-

матские традиции ориентировки в широтном направлении с северной и южной ориентировкой, расположение мечей вдоль тела вместо савроматской традиции – на поясе наискось, сохранение савроматской практики сопровождения покойника сопутствующей пищей в виде бока крупного домашнего животного. Все это свидетельствует о сложных взаимоотношениях субстратного и суперстратного населения, не сводящихся лишь к акту завоевания. Материалы Старицкого курганного могильника демонстрируют эти процессы весьма отчетливо.

Суммируя результаты вышеизложенного анализа антропологического материала, можно выделить следующие важнейшие моменты, связанные как с культурными традициями, так и с антропологией населения раннесарматского времени, оставившего могильник Старица:

1. Морфологический облик исследуемой группы схож с остальным синхронным населением и характеризуется сарматским типом или типом древних восточных европеоидов, сочетающим мезо-брахикранию с умеренной горизонтальной профилировкой лицевого скелета на верхнем уровне при резко выступающем носе.

2. Суммарная группа черепов оказалась по внутригрупповой структуре относительно однородной. В ней преобладает тип широкоголовых европеоидов с некоторыми внутригрупповыми вариациями по горизонтальной профилировке лица.

3. Морфологический тип хронологических женских групп III и II–I вв. до н.э. позволяет говорить о преемственности населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области, проект «Преемственность и трансформация в развитии культур раннего железного века Нижнего Поволжья по данным археологии, палеоантропологии, палеоэкологии и палеогенетики», № 17-11-34006.

The work was supported by RFBR and Volgograd region Administration, the project “Continuity and Transformation in the Development of Cultures of the Early Iron Age of the Lower Volga Region According to Archeology, Paleoanthropology, Paleocology and Paleogenetics Data”, no. 17-11-34006.

² Данная статья является частью единого блока работ, размещенных в данном номере и посвященных сарматским материалам курганного могильника Старица.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

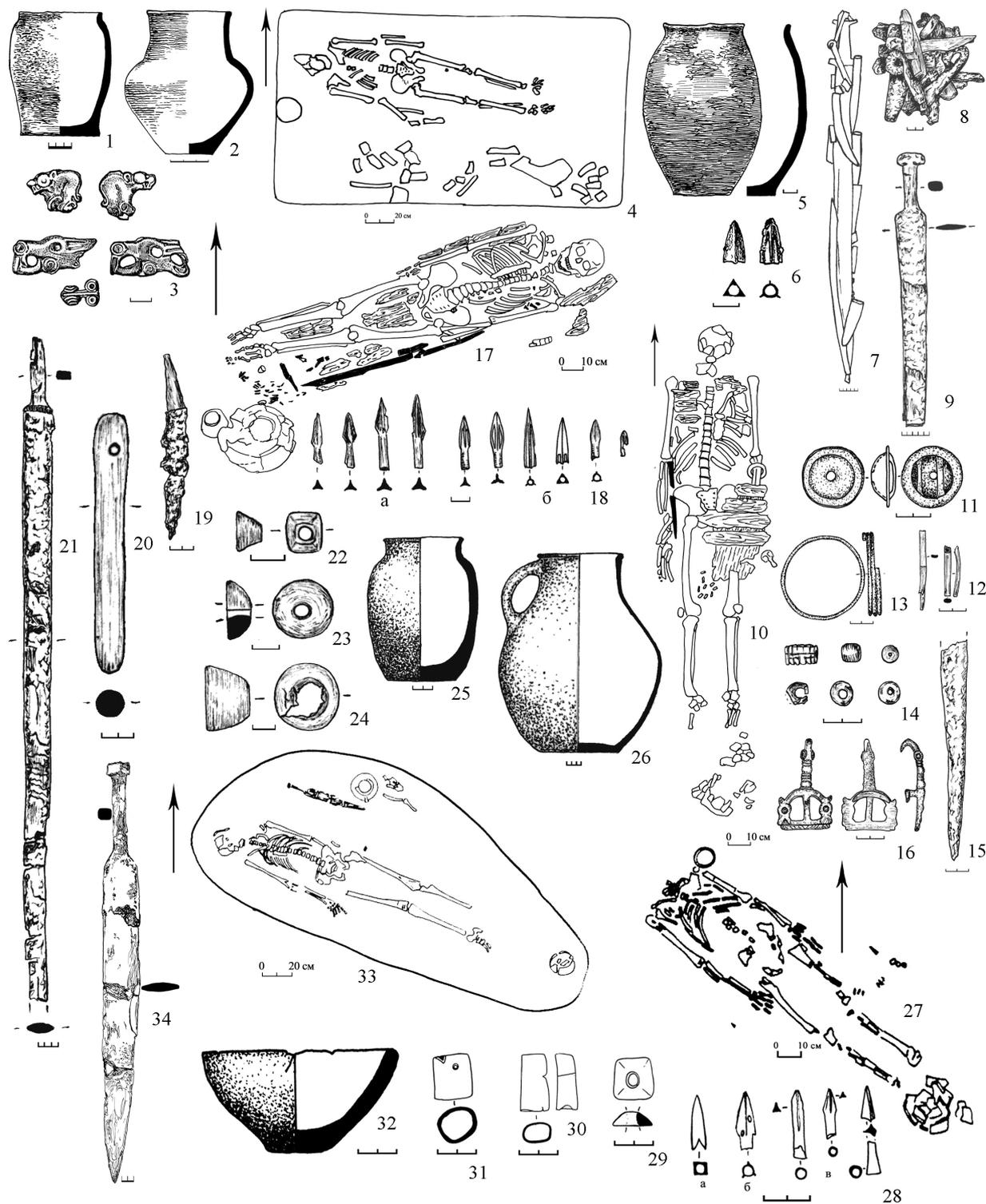

Рис. 1. Погребения савроматского (V–IV вв. до н.э.) и переходного (IV – нач. III в. до н.э.) времени:

1–3 – кург. 51; 4–6 – кург. 52; 7–9 – кург. 4; 10–16 – кург. 4, погр. 6; 17–26 – кург. 4, погр. 9;
27–32 – кург. 25, погр. 13; 33–34 – кург. 76, погр. 3

Fig. 1. Burials of Sauromatian (the 5th–6th centuries BC) and transitional (the 4th–the early 3rd century BC) period:

1–3 – barrow 51; 4–6 – barrow 52; 7–9 – barrow 4; 10–16 – barrow 4, burial 6; 17–26 – barrow 4, burial 9;
27–32 – barrow 25, burial 13; 33–34 – barrow 76, burial 3

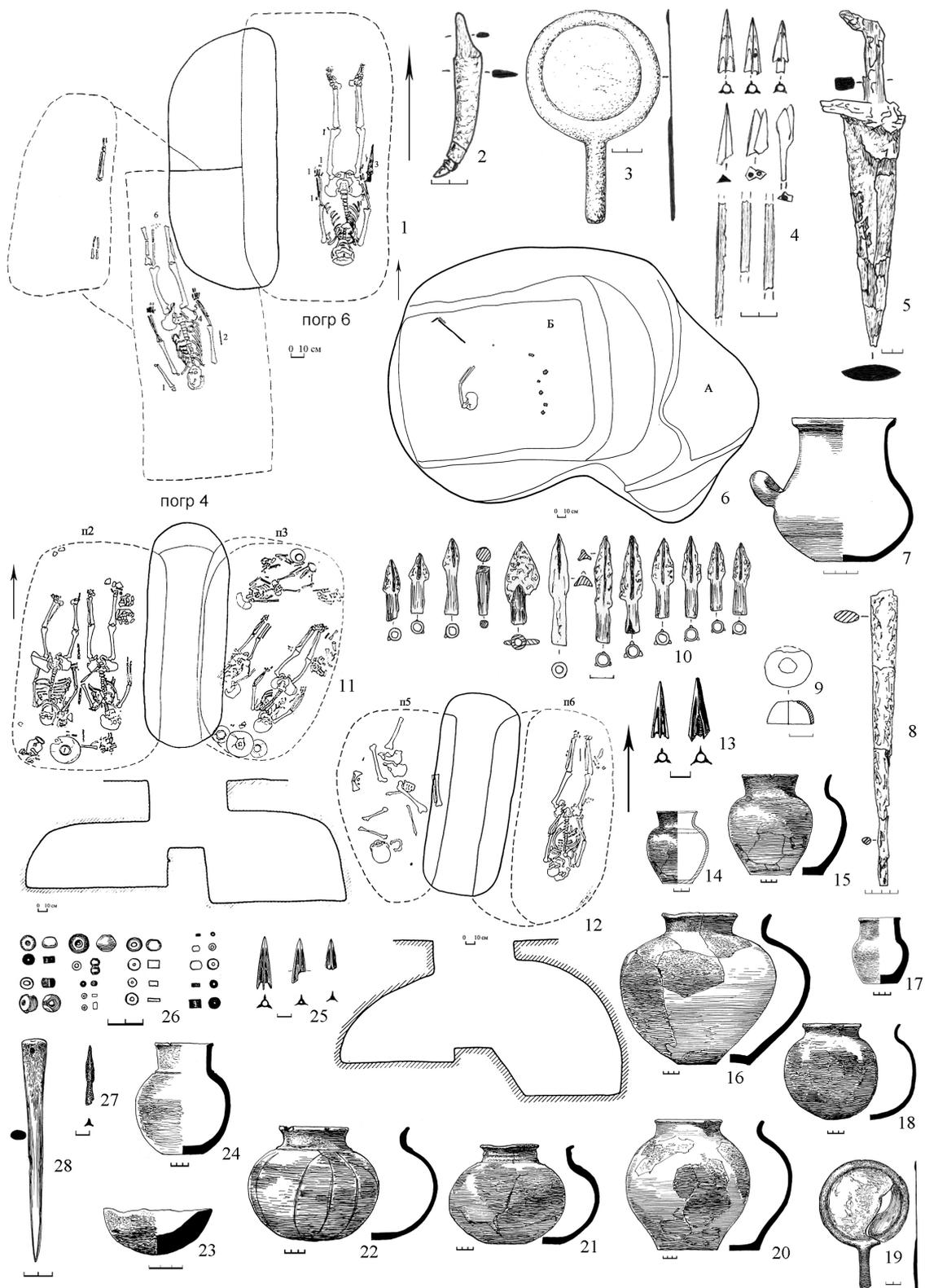

Рис. 2. Раннесарматские погребения III–II вв. до н.э.:

1–5 – кург. 21, погр. 6; 6–10 – кург. 36, погр. 1; 11, 13–24, 26, 27 – кург. 42, погр. 2, 3; 12, 25, 28 – кург. 42, погр. 5, 6

Fig. 2. Early Sarmatian burials of the 3rd–2nd centuries BC:

1–5 – barrow 21, burial 6; 6–10 – barrow 36, burial 1; 11, 13–24, 26, 27 – barrow 42, burial 2, 3; 12, 25, 28 – barrow 42, burial 5, 6

Таблица 1

Средние значения и указатели краниологических материалов IV–I вв. до н.э.

№№ по Мартину и др.	III в. до н.э. (женщины)			II–I вв. до н.э.						IV–III вв. до н.э.					
				мужчины			женщины			4/9 *	36/1/1	36/1/2	42/2/1	42/2/2	42/3
	n	X	s	n	X	s	n	X	s	М	М	М	Ж	Ж	Ж
1	3	175.3	5.0	11	184,1	6,2	5	174,6	8,2	182	176	199	170	180	176
8	3	142.3	4.9	11	145,4	6,6	4	145,0	6,7	160	136	151	148	139	140
8:1	3	81.3	5.2	11	79,0	3,0	4	82,9	3,3	87,9	77,3	75,9	87,1	77,2	79,6
17	3	127.7	2.3	12	134,8	6,6	4	129,4	4,6	120	147	146	125	129	129
17:1	3	72.8	1.0	11	73,6	4,0	4	73,4	3,9	65,9	83,5	73,4	73,5	71,7	73,3
17:8	3	98.8	4.7	11	93,4	6,5	3	88,2	7,7	75,0	108,1	96,7	84,4	92,8	92,1
5	3	101.3	1.5	10	105,2	5,2	4	101,0	4,8	97	109	115	100	103	101
20	3	113.3	2.1	9	115,2	6,1	3	115,7	5,0	109	120	127	111	114	115
9	3	97.3	6.1	16	99,8	5,1	5	102,0	7,3	94	93	109	104	92	96
УПИЛ	3	135.4	2.6	14	137,2	5,6	5	138,4	5,2	140,4	137,0	126,1	138,0	135,2	132,9
11	3	123.7	3.9	10	125,5	7,6	4	123,0	6,3	133	117	132	128	122	121
28:27	3	92.7	5.9	11	87,9	5,6	3	90,1	5,0	108,9	85,9	82,1	91,4	87,6	99,1
45	3	132.3	2.5	11	136,0	7,6	2	135,0		138	126	140	135	130	132
40	3	94.7	5.7	8	99,4	6,0	3	95,7	1,5	95	97	98	90	101	93
40:5	3	93.4	4.2	8	94,4	6,6	3	96,8	2,6	97,9	89,0	85,2	90	98,1	92,1
48	3	69.0	2.6	13	71,0	3,8	3	67,0	4,4	78	71	80	66	71	70
43	3	106.0	4.6	16	109,3	3,9	5	109,4	6,3	103	103	114	111	102	105
46	3	92.3	5.5	12	92,64	3,8	3	90,0	8,5	96	92	96	96	95	86
54	3	24.5	2.3	15	24,7	1,7	4	24,2	2,2	25	25	25	25	22	26,5
55	3	49.0	2.0	13	50,8	2,2	3	50,0	4,0	53	51,5	55	47	49	51
54:55	3	50.0	4.5	13	48,0	2,2	3	48,0	2,2	47,2	48,5	45,5	53,2	44,9	52,0
51	3	42.3	2.9	13	44,5	2,6	3	42,3	2,3	43	42	47	44	39	44
52	3	33.7	1.5	13	33,5	2,2	3	34,7	2,3	39	31	35	32	34	35
52:51	3	79.8	7.2	13	75,8	4,0	3	82,0	5,1	90,7	79,8	74,5	72,7	87,2	79,6
DC	3	21.4	2.9	8	21,8	2,0	2	21,1		20	19,5	22,5	24	18,2	22,0
DS	3	12.9	0.3	8	12,5	2,3	2	11,6		9,3	12	17,7	13,0	13,1	12,5
DS:DC	3	61.0	9.6	8	57,4	9,3	2	55,2		46,5	61,5	78,6	54,2	72,0	56,8
SC	3	9.5	0.4	10	7,2	1,2	3	9,6	1,9	8	5	9,1	9,7	9,0	9,8
SS	3	4.8	0.3	10	4,1	1,4	3	4,8	0,5	4,6	3,2	7	4,9	5,0	4,5
SS:SC	3	50.6	4.8	10	56,7	13,0	3	51,0	7,3	57,5	64,0	76,9	50,5	55,5	45,9
FC	3	5.0	1.0	12	5,9	1,2	3	5,5	0,5	7	4	5	4	5	6
77	3	139.2	5.1	15	140,8	4,8	5	143,9	4,9	143,1	134,8	132,5	139,6	144,1	134,0
<zm'	3	133.0	6.3	12	130,0	3,8	3	130,4	5,41	135,2	126,3	128,3	139,5	127,0	132,5
32	3	87.7	7.6	8	82,4	4,3	1	88		79	83	82	96	86	81
72	3	92.7	4.0	8	86,9	5,3	1	89		91	89	95	95	88	95
74	3	78.7	5.7	8	73,2	6,7	1	69		75	74	85	77	74	85
75-1	3	21.7	2.9	8	32,6	2,9	1	22		28	27	34	20	20	25

Примечание. * 1-я цифра – номер кургана, 2-я – номер погребения, 3-я – номер костяка.

**Результаты внутригруппового анализа главных компонент группы черепов
раннесарматского времени могильника Старица**

№ по Матрину и др.	Главные компоненты	
	I	II
1	0.726	0.119
8	0.782	0.299
17	0.041	-0.404
9	0.545	0.242
УПИЛ	-0.070	0.453
45	0.692	0.409
48	0.833	-0.268
54	0.632	-0.348
55	0.882	-0.284
51	0.666	0.186
52	0.785	-0.026
DS:DC	0.359	-0.770
SS:SC	0.112	-0.666
FC	0.118	0.822
77	0.575	0.404
<zm'	0.661	0.463
75-1	-0.632	0.601
Собственные числа	6.173	3.459
Процент дисперсии	36.314	20.347

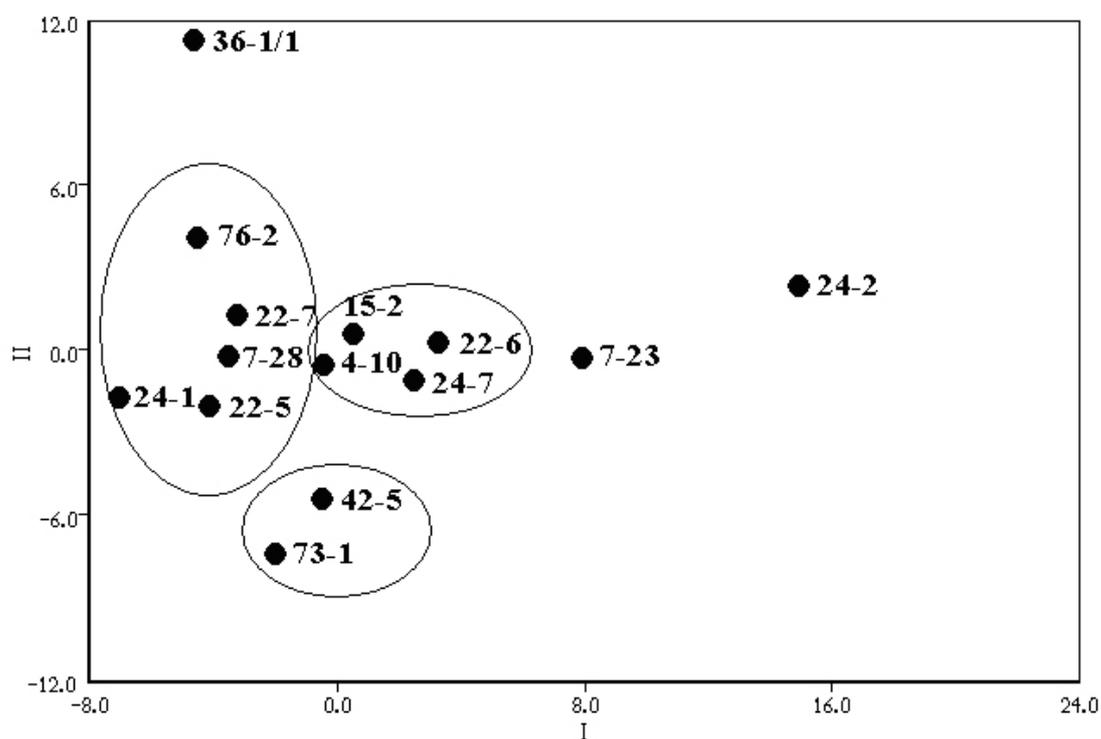

Рис. 3. Результат неметрического многомерного шкалирования и кластерного анализа матрицы внутригрупповых корреляций серии раннесарматского времени могильника Старица
Примечание. На рисунке первая цифра обозначает номер кургана, вторая – номер погребения.

Fig. 3. The result of the non-metric multidimensional scaling and cluster analysis of intragroup correlation matrices of the Staritsa burial mound early Sarmatian series

Note. In the figure, the first number indicates the number of the barrow, the second one – the number of the burial.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф., 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М. : Наука. 127 с.
- Балабанова М. А., 1998. Методика палеоантропологических исследований : учеб.-метод. пособие. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 80 с.
- Балабанова М. А., 2000. Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М. : Наука. 130 с.
- Беневоленская Ю. Д., 1980. Мировое распределение затылочно-теменного указателя // Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л. : Наука. С. 70–90.
- Васильев В. Н., Сиротин С. В., 2004. Ново-Мусинский курган // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. С. 172–180.
- Глебов В. П., 2007. Вооружение и военное дело кочевников Нижнего Подонья раннесарматского времени // Вооружение сарматов. Региональная типология и хронология : доклады к VI Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск : Изд-во ЮУрГУ. С. 88–98.
- Дерябин В. Е., 1983. Многомерная биометрия для антропологов. М. : Изд-во МГУ. 227 с.
- Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А., 1989. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М. : Наука. С. 14–132.
- Клепиков В. М., 2002. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 216 с.
- Клепиков В. М., Скрипкин А. С., 2002. Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. С. 47–81.
- Клепиков В. М., 2014. Раннесарматские погребения Нижнего Поволжья с северной ориентировкой // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 14. С. 51–56.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2005. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5. Краснодар : Изд-во КубГУ. С. 219–324.
- Марченко И. И., 1996. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар : Изд-во КубГУ. 336 с.
- Мошеева О. Н., 1998. Гагатовые бусы в сарматских погребениях Нижнего Поволжья III–I вв. до н.э. // Российская археология. № 1. С. 156–161.
- Мошкова М. Г., 1974. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М. : Наука. 52 с.
- Очир-Горяева М. А., 1996. Наконечники стрел кочевников Нижнего Поволжья // Российская археология. № 1. С. 41–54.
- Савченко Е. И., 2004. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху : труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003. М. : ИА РАН. С. 151–277.
- Сергацков И. В., Шинкарь О. А., 2003. Раннесарматские погребения с северной ориентировкой в бассейне Иловли // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6. С. 165–178.
- Симоненко А. В., 1993. Сарматы Таврии. Киев : Наукова думка. 143 с.
- Скрипкин А. С., 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов : Изд-во СГУ. 300 с.
- Скрипкин А. С., 2007. Клинковое оружие ранних кочевников Нижнего Поволжья VII–IV вв. до н.э. (проблемы хронологии) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология : доклады к VI Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск : Изд-во ЮУрГУ. С. 38–50.
- Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М. : Наука. 381 с.
- Смирнов К. Ф., 1976. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М. : Наука. С. 74–89.
- Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. М. : Наука. 40 с. + 30 табл. (САИ ; вып. Д1-9).
- Шевченко А. В., 1973. К антропологической характеристике населения Нижнего Поволжья эпохи бронзы (по материалам Старицкого могильника) // Советская этнография. № 6. С. 100–108.
- Шилов В. П., 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л. : Наука. 208 с.
- Očir-Gorjaeva M. A., 2005. Pferdegeschirr aus Chošeutovo. Mainz : Verlag Philipp von Zabern. 184 S.

REFERENCES

- Alekseev V.P., Debets G.F., 1964. *Craniometry: Methods of Anthropological Research*. Moscow, Nauka Publ. 127 p. (in Russian).
- Balabanova M.A., 1998. *Methods of Paleoanthropological Research: Teaching Manual*. Volgograd, VolSU. 80 p. (in Russian).

- Balabanova M.A., 2000. *Anthropology of the Ancient Population of the Southern Urals and the Lower Volga Region. Early Iron Age*. Moscow, Nauka Publ. 130 p. (in Russian).
- Benevolenskaya Yu.D., 1980. Worldwide Distribution of the Occipital-Parietal Index. *Sovremennye problemy i novye metody v antropologii*. Leningrad, Nauka Publ, pp. 70–90 (in Russian).
- Vasil'ev V.N., Sirotin S.V., 2004. Kurgan from Novo Musino. *Ufimskiy Arheologicheskiy Vestnik*, iss. 5, pp. 172-180 (in Russian).
- Glebov V.P., 2007. The Armament and Warfare of the Lower Podonye Nomads in the Early Sarmat Time. *The Sarmatians Arming: Regional Typology and Chronology. Reports for the VIth International Conference «The Problems of the Sarmatian Archeology and History»*. Chelyabinsk, SUSU, pp. 88-98 (in Russian).
- Deryabin V.E., 1983. *Multidimensional Biometrics for Anthropologists*. Moscow, MSU. 227p. (in Russian).
- Dvornichenko V.V., Fedorov-Davydov G.A., 1989. Excavations of Kurgans in the Area of the Kalmyk-Astrakhan and Nicholas Rice Irrigation Systems Construction. *Sokrovischa Sarmatskih Vozhdey i Drevnie Goroda Povolzhya*. Moscow, Nauka Publ., pp. 14-132 (in Russian).
- Klepikov V. M., 2002. *Sarmatians of the Lower Volga Basin in 4th – 3rd Centuries BC*. Volgograd, VolSU. 216 p. (in Russian).
- Klepikov V. M., Skripkin A. S., 2002. Chronology of Early Sarmatian Located in the Lower Volga Area. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, iss. 5, pp. 47-81 (in Russian).
- Klepikov V.M., 2014. The Lower Volga Early Sarmatian Burials Oriented to the North. *Lower Volga Archaeological Bulletin*, iss. 14, pp. 51-56 (in Russian).
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2005. Chronology of Ceramic Complexes with Antique Imports from the Excavations of Meotian Cemeteries on the Right Bank of the Kuban. *Materialy i Issledovaniya po Arkheologii Kubani*. Krasnodar, Publ. KubSU, pp. 219-324 (in Russian).
- Marchenko I.I., 1996. *The Siraks of the Kuban Region (Based on Materials of Kurgan Burials of the Lower Kuban Region)*. Krasnodar, KubSU. 339 p. (in Russian).
- Mosheeva O.N., 1998. Jet Beads in Sarmatian Burials of the Lower Volga Region in the 3rd – 1st Centuries BC. *Rossiyskaya arkheologiya*, no. 1, pp. 156-161 (in Russian).
- Moshkova M.G., 1974. *Origin of Early Sarmatian (Prokhorov) Culture*. Moscow, Nauka Publ. 52 p. (in Russian).
- Otcir-Gorjaeva M.A., 1996. The Nomad Arrow-Heads from the Low Volga River Region. *Rossiyskaya arkheologiya*, no. 1, pp. 41-54 (in Russian).
- Savchenko E.I., 2004. Weapons and Equipment of the Scythian Population on the Middle Don. *Arkheologiya Srednego Dona v Skifskuyu Epohu: Trudy Donskoy (Potudanskoy) Arkheologicheskoy Ekspedicii IA RAN, 2001–2003*. Moscow, IARAS, pp. 151–277 (in Russian).
- Sergatskov I.V. Shinkar' O.A., 2003. Early Sarmatian Burials with Skeleton Placed with its Head to the North Ilovlya River Basin. *The Lower Volga Archaeological Bulletin*, iss. 6, pp. 165-178 (in Russian).
- Simonenko A. V., 1993. *The Sarmatians of Tauria*. Kiev, Naukova dumka Publ. 143 p. (in Russian).
- Skripkin A.S., 1990. *Asian Sarmatia. Problems of chronology and its historical aspect*. Saratov, SGU. 299 p. (in Russian).
- Skripkin A.S., 2007. Bladed Weapons of Early Nomads of the Lower Volga Region VII-IV centuries BC (chronology problems). *The Sarmatians Arming: Regional Typology and Chronology. Reports for the VIth International Conference «The Problems of the Sarmatian Archeology and History»*. Chelyabinsk, SUSU, pp. 38-50 (in Russian).
- Smirnov K.F., 1964. *Sauromats. Early History and Culture of the Sarmatians*. Moscow, Nauka Publ. 381 p. (in Russian).
- Smirnov K.F., 1976. Savromato-Sarmatian animal style. *Skifo-sibirskiy zverinyy stil' v iskusstve narodov Yevrazii*. Moscow, Nauka Publ., pp. 74-89 (in Russian).
- Smirnov K.F., Petrenko V.G., 1963. Sauromats of the Volga Region and Southern Urals. *Svod Arkheologicheskikh Istochnikov*, iss. D1-9. Moscow, Nauka Publ. 40 p. + 30 tabl. (in Russian).
- Shevchenko AV, 1973. On the Anthropological Characteristics of the Bronze Age Population of the Lower Volga Region (Based on Materials from the Staritsky Kurgan Cemetery). *Sovetskaya etnografiya*, no. 6, pp. 100-108 (in Russian).
- Shilov V.P., 1975. *Essays on the History of Ancient Tribes of the Lower Volga Region*. Leningrad, Nauka Publ. 208 p. (in Russian).
- Očir-Gorjaeva M.A., 2005. *Pferdegeschirraus Chošeutovo*. Mainz, Verlag Philipp von Zabern. 184 S.

Information about the Authors

Anatoliy S. Skripkin, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Russian and Foreign History, Archaeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, anatoly.skripkin@volsu.ru, adsi@volsu.ru. <https://orcid.org/0000-0003-0141-5761>

Valery M. Klepikov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian and Foreign History, Archaeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, valery.klepikov@volsu.ru, valery.klepikov@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0003-2891-7366>

Mariya A. Balabanova, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Russian and Foreign History, Archaeology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, mary.balabanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1565-474X>

Информация об авторах

Анатолий Степанович Скрипкин, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, anatoly.skripkin@volsu.ru, adsi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0141-5761>

Валерий Михайлович Клепиков, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, valery.klepikov@volsu.ru, valery.klepikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2891-7366>

Мария Афанасьевна Балабанова, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной истории, археологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, mary.balabanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1565-474X>